

ОТЗЫВ

о диссертации Шляховой Светланы Сергеевны «Фоносемантические маргиналии в русской речи», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Заявленная в диссертации проблематика знаменует собой новый виток исследования кардинальной для лингвистики проблемы функционирования языка как системного механизма с учетом его маргинальных звеньев и имеет лингвокогнитивную и лингвосинергетическую направленность, связанную с недостаточностью традиционных структурно-семантических подходов для адекватного описания «экстравагантных дискурсов» (с. 6 ДД). Пафос данного научного сочинения определяется идеей создания лингвистики маргиналий и разработки специальной методологии их изучения. Предметом лингвистики маргиналий должны стать, по мысли диссертанта, те «языковые пласты», которые традиционно рассматривались как «аномальные» (асистемные) и «несущественные для прояснения природы языка в силу их количественной незначительности и качественной неоднородности.

В фокусе внимания С.С.Шляховой оказывается корпус русских фоносемантических маргиналий (ФМ) – примарно мотивированных единиц языка, статус которых в языковой системе не определен, не выявлена (не описана) и функциональная значимость соответствующих единиц в разных коммуникативных регистрах русской речи.

Актуальность обращения к ФМ обусловлена необходимостью углубленного изучения системной и функциональной природы данных единиц языковой периферии с учетом факторов, которые определяют (и объясняют) особенности их уникального «бытия». Можно отметить в этой связи характерное для современной научной парадигмы в целом усиление интереса к так называемому «отрицательному языковому материалу», сопряженному с результатами креативной речевой деятельности языкового коллектива и отдельной личности (в частности, изучение языковой игры как формы лингвокреативного мышления, связанного с разными видами неканонического

использования языка, в том числе и ЯИ с привлечением фоносемантического потенциала знака). В отношении таких маргинальных явлений должно быть пересмотрено само понятие нормы и отклонения от нее. Кроме того, активно развивающееся психолингвистическое направление в изучении языка обусловило новый взгляд на традиционно выделявшиеся в рамках системно-структурного подхода основные единицы фонетического уровня, что выразилось в разработке теории фонетического значения знака и фоносемантики как специальной области изучения ассоциативно-смысловой нагрузки (психологической реальности восприятия говорящими) звуков языка и речи. В когнитивном ракурсе актуальным является изучение феномена звукоизобразительности как «рудимента», сохраняющего информацию об одном из первичных семиотических кодов человеческой речи. Наконец, для объяснения взаимодействия различных подсистем в структуре языка (в плане их согласованного или несогласованного «поведения») весьма продуктивно использование синергетических теорий неравновесных процессов, «нелинейных колебаний», определяющих организацию и самонастройку открытых систем. ФМ – одна из подсистем языка, обнаруживающих непосредственный контакт с окружающей средой и испытывающих давление со стороны доминирующих языковых моделей.

Новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые предпринимается комплексное описание языковых образований звукоизобразительного характера (ФМ), находящихся на границах фонемного и грамматического строя языка. С учетом общесемиотического контекста выявляется субстанциональная природа и функциональные особенности ФМ-системы в их линейной и нелинейной динамике – от существования в виде единиц «проторечи», подвергающихся культурной семиотизации, до презентации в альтернативных по отношению к доминантной форме коммуникации вариантах («другой речи»). Автором введены в научный оборот понятия «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», разработана комплексная модель ее представления в системе языка и речи.

Теоретическая значимость диссертации связана с разработкой методологии, применимой к описанию не только фоносемантического пространства языка, но и других маргинальных сфер речевой деятельности с учетом их операционально-системной сущности. В работе уточнены многие этимологии слов на основе привлечения к интерпретации архетипических звукоподражательных или звукосимволических значений корня. Представлена многокомпонентная (иерархически организованная) структура ФМ-системы (с выделением всех существующих групп ФМ), определено понятие «фоносфера», охарактеризована ее роль в процессе семиозиса естественных звучаний). Представленные результаты относительно природы разных форм «другой речи» расширяют спектр их традиционных интерпретаций.

В **практическом** отношении результаты работы значимы не только для лексикографии (в этом смысле показателен потенциал уже изданного автором словаря русских фоносемантических аномалий «Дребезги языка»), но и для литературоведческих, лингвокультурологических, этимологических изысканий.

В композиционном плане диссертация отличается строгой продуманностью каждого шага рассуждений, что позволяет следить за четкой логикой автора (хотя можно отметить некоторую перегруженность используемого в работе метаязыка терминами и аббревиатурами).

Уже в первой главе на фоне экскурса в разработку проблемы маргинальности гуманитарными дисциплинами (социологией, антропологией, философией культуры, культурологией, фольклористикой и др.) постулируется необходимость расширенного изучения маргинальных языковых явлений и процессов, позволяющих обнаружить всю сложность, многомерность и нелинейность внутреннего устройства языковой системы. Это проявляется в частности в феномене плюралистичности «нормы», которая меняет свой характер в зависимости от заданной бытием языка системы координат. Опираясь на общую теорию систем, диссертант выделяет в качестве главного свойства системных объектов их функцию; последняя «задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более

общей системе, в которую она включена наряду с другими системами, выступающими для нее средой» (с. 38 Дд). Соответственно любая система, развивающаяся в определенной среде, имеет входные элементы (ресурсы, передаваемые системе из среды), и выходы (конечный продукт системы, или компоненты, передаваемые этой системой окружающей среде). Изучение таких «входов» и «выходов» в сочетании с определением функций и структуры разных подсистем языка является, по мысли диссертанта, наиболее значимым для определения маргинальной сущности описываемого системного объекта. Данный подход, позволяющий выявить закономерности функционирования систем в относительной статике, дополняется исследованием закономерностей развития систем (в рамках теорий их самоорганизации).

Применяя заявленные подходы к характеристике ФМ, С.С.Шляхова доказывает, что данная совокупность языковых знаков обладает всеми свойствами самостоятельной системы (собственной единицей - ФМ, особой функцией – биологической, протосемиотической, особой структурой, отражающей устройство фоносферы, спецификой парадигматических и синтагматических связей), в то же время это лишь подсистема ЗИС, которая сама относится к области языковой периферии. Описанные свойства ФМ-системы характеризуют ее как закрытую и постоянную. С другой стороны, эти же специфические свойства в рамках методологии нелинейных динамик определяют маргинальность ФМ-системы как открытой для переструктурирования при взаимодействии со «средой» (фоносферой и языковой системой). Это взаимодействие предполагает наличие процессов организации и самоорганизации, а также спонтанности (случайного обретения системой того или иного свойства), и в частности определяет репрезентацию ФМ-знаков в разных «экстравагантных» (по определению диссертанта) дискурсах (обрядово-игровом, магически-религиозном, идиолектной «зауми», детской речи и т.п.).

ФМ как единицы рассматриваемой системы обладают особым типом знаковости (примарной мотивированностью), что требует применения к их

описанию основных законов фоносемантики, подробно охарактеризованных диссертантом. Безусловно, заслуживает положительной оценки выведенный самим автором метод фоносемантического анализа, обозначенный как «метод доминантности ономатопей» (с. 43), суть которого заключается в выявлении частотности того или иного вида ономатопов (фонетических аномалий и «нормальных» слов), функционирующих в тексте, и определение их ЗИ-доминанты в соотношении со смысловой структурой текста. Такой анализ позволяет установить значимость той или иной фоносферы для автора текста (звучания внешнего мира, звучания плоти и звуки человеческого голоса). По сути, этот метод имеет когнитивную направленность, и, выявляя разные типы внеязыковых когниций, лежащих в основе ЗИ-номинаций, расширяет возможности интерпретации генетических и семиотических основ соответствующих дискурсивных практик с использованием ФМ. Применение этого метода (в сочетании с системным и лингвосинергетическим подходами к описанию материала) позволило С.С.Шляховой предложить оригинальную и убедительную концепцию генезиса и семиозиса разных типов ФМ, а также разных форм «другой речи»: так, выделяя заумь как доминанту «другой речи», диссертант аргументированно доказывает, что все ее составляющие лежат в ЗИ-сфере. В рамках соотношения ЗИС с разными «порождающими» подсистемами фоносферы (биофоносфера, социофоносфера, лингвофоносфера) вполне логично выделяются акустические ФМ, ФМ говорения и артикуляторные ФМ, которые формируют ФМ-систему, отражающую свойства фоносферы на лингвистическом уровне. Существование ФМ-системы (лингвофоносферы) как промежуточного звена между ЗИС языка и фоносферой обусловлено функцией «преобразования биологического звукового пространства в семиотические звуковые системы» (АДД, с. 18). Так, например, биофоносфера репрезентируется акустическими (натурфоносфера – звуки природных стихий, фитофоносфера – звучания растений) или артикуляторными ФМ (зоофоносфера – звуки животных и птиц, антропофоносфера – звуки человека). Именно на этом основании автор

приписывает ФМ-системе биологическую функцию. Заявленная связь ФМ с фоносферой (в том числе с биофоносферой) не вызывает никаких сомнений, однако понимание «биологической функции» ФМ требует, с нашей точки зрения, уточнения и более подробного разъяснения. Как, например, связано выделение биологической функции ФМ и понятие принципа номинации? Корректно ли приписывать биологическую функцию ЗП или ЗС-словам (**вербальным знакам**), которые используют «биологический мотив» лишь в качестве когнитивной основы наименования? Даже артикуляторные ФМ, наиболее приближенные к «физиологии» естественного звучания, выступают в языке не только и не столько в качестве имитации самих этих звучаний, сколько в качестве оценочного маркера определенных ситуаций (такие ФМ, характеризующие состояние человека, сопряженное с физиологическими проявлениями, могут маркировать разные ситуации – страдание, радость... и разные эмоционально-оценочные реакции – жалость, отвращение, смех и т.п.). Если лингвофоносфера – промежуточное звено между био- и семиосферой, способствующее становлению ФМ как знака языка, то именно здесь первичный природный звук «лишается» своей биологической функции. Ср., например, явный отрыв артикуляторных междометий типа *ну-ну*, *ни-ни* (в функции угрозы или запрета) и т.п. от исходной «физиологической» семантики.

В пользу наличия биологической функции у ФМ, по мнению диссертанта, говорит их «инаковость» (маргинальность) в системе других языковых знаков (с. 291), например, такое свойство междометий, как «способность не только маркировать состояние биологического комфорта-дискомфорта, но и вызываться этими состояниями» (там же): *А-а-а* (стон), *хыр да хыр* (кашель). Однако развитие вторичных ситуативных значений лишает первичной «биологической мотивации» даже такие ФМ. Видимо, при решении этого вопроса следует все-таки различать аспекты происхождения и функционирования ФМ, а также семиотические приращения, обуславливающие выход ФМ за «пределы информации о биологическом состоянии особи» (Н.Б.Мечковская).

Вместе с тем чрезвычайно интересна развиваемая в диссертации идея взаимопереходности и многофункциональности кодов вербальной коммуникации в диахронии и синхронии и сохранения первичного фоносемантического заряда слова при всех его последующих трансформациях. При этом соотношение примарной мотивированности и относительной денатурализации знака рассматривается как продолжающаяся линия развития – при переходе ФМ звукоподражательного типа в звукосимволические ФМ, а также при словообразовательной и семантической трансляции фоносемантического потенциала таких знаков (с уже утраченной или затемненной внутренней формой). В работе получает последовательное развитие идея сопоставления ФМ в онтогенезе и филогенезе с целью нахождения корреляций в синхронном и диахронном функционировании данных единиц. Такие корреляции, несомненно, существуют, о чем свидетельствует и особый статус звукоподражаний в протоязыке ребенка, хотя определение ФМ звукоподражательного типа как базового элемента этого протоязыка представляется несколько преувеличенным. Известно, что протоязык ребенка формируется не только на основе ЗП, но и на основе конвенциональных, часто деформированных, единиц взрослого языка, обнаруживающих на данном этапе развития речевой способности ребенка тенденцию к сверхгенерализации или омофоническому использованию. Сами звукоподражания в речи детей возникают часто не путем самостоятельной имитации звуков окружающей среды, а путем трансляции из речи взрослых.

Естественно, буквальная аналогия между использованием звукоподражаний в детском протоязыке и ролью этих единиц как первоосновы языка в филогенезе проведена быть не может именно по той причине, что речь ребенка, как на это указывает сама С.С.Шляхова, развивается в тесном взаимодействии с уже **существующей** языковой средой.

Более того, ФМ, обнаруживающие во многом те же тенденции, что и при семантическом освоении детьми незвукоподражательных и вообще немотивированных слов (закрепление слова за определенным денотатом),

сохраняют свою значимость и на более поздних этапах речевого развития ребенка, когда он в целом переходит на код языка взрослых. Очевидно, это рудиментарное использование единиц ФМ-системы в ДР соответствует ментальности ребенка (обусловлено конкретно-образным типом детского мышления и эмоциональной доминантой его сознания). Употребление ФМ в ДР не прерывается на более поздних этапах онтогенеза, приобретая новые функции (вплоть до их осознанного игрового использования при создании тайных детских языков). Это вполне подтверждает (наряду с другими рассмотренными в работе фактами) выдвинутое диссертантом положение о способности ФМ являться адекватной коммуникативной единицей для всех стадий развития языка в диахронии и синхронии» (Дд, с. 55).

Особый интерес в данном отношении вызывает третья глава диссертации, посвященная описанию функционированию ФМ-системы в рамках «другой речи» как альтернативной (маргинальной) форме существования языка. Здесь предлагается классификация форм «другой речи» с учетом сферы функционирования, прагматической функции, определенной нормы состояния сознания, универсального и идиоэтнического в коммуникации. Логичен сделанный диссертантом вывод о том, что любой вид «другой» речи – это в какой-то степени «деформированный» естественный язык. Вместе с тем думается, что заявление об «открытости» (незамкнутости, своеобразии) фонемного ряда в «другой речи» не совсем корректно, так как на деле мы имеем не расширение числа существующих в языке фонем, а лишь расширение звуковой комбинаторики. В связи с предложенной в диссертации типологией форм «другой речи» (глоссолалии, поэтическая заумь, тайные детские языки, профессиональные языки, фонетические деформации слов в детской речи, ЗИ-единицы автономной детской речи, «нечеловеческие языки», язык магии и общения с Богом и т.п.) возникает вопрос о соотношении понятий «окказиональное» и «патологическое, аномальное» применительно к характеристике этих форм. Например, можно ли считать проявлением зауми детские фонетические деформации слов, связанные со стремлением ребенка

прояснить их мотивированность (типа *бык - мык*, ср. *бр-р-рмашина* вместо *бормашина*; слова типа *бибика* и т.п.). Думается, что при явной опоре на фоносемантическую мотивированность эти единицы ДР все же имеют иную природу (и главное – иную функцию), чем заумь – поэтическая, магическая, фольклорная. При выделении форм зауми (в том числе детской), очевидно, следует иметь в виду, с одной стороны, ее осознанность или неосознанность говорящим; с другой стороны, учитывать характер восприятия «другой речи» (при ее адресованности или неадресованности).

Так, безусловно, к осознанной форме зауми относятся тайные детские языки, типа тех, которые хорошо проиллюстрированы в работе С.С. Шляховой – завуалированные формы ДР, предназначенные для того, чтобы скрыть, затемнить смысл сообщаемого от тех, кто не посвящен в тайну кода. Думается, что к осознанной форме зауми в ДР можно отнести и имитацию детьми воображаемого иностранного языка. По сути, это квазиязык, вбирающий в себя актуальные для ребенка (интуитивно отрефлексированные) произносительные особенности того или иного языка-«прототипа» (знание самого языка при этом либо вообще отсутствует, либо является фрагментарным и случайным). Ср. записанный нами пример: Даша (3 г.) в игре с бабушкой предлагает ему «говорить на японском языке». Первое слово *иканом*, изобретенное дедом и имеющее в данной ситуации смысл «приветствия», тиражируется девочкой с варьированием фонетического состава гласных или согласных: *ИканамЭ*, *икинамО*, *иСиПаТэ*, *СипатО* и т.п. Вместе с тем некоторые формы речи ребенка имеют характер неосознаваемой зауми (так, детские глоссолалии, имитирующие интонационный контур взрослой речи, вряд ли вписываются в один ряд с искусственной, деланной, лишенной реального лингвистического содержания речью, наблюдаемой у взрослых в состоянии религиозного экстаза или в психопатологических случаях). Хотя в речи ребенка не исключена и так называемая осознанная тарабарщина.

Все сказанное имеет отношение и к содержанию обсуждаемого в диссертации социолингвистического понятия «маргинальная языковая

личность». Возникают вопросы: можно ли считать ребенка, еще не освоившего «взрослый язык», маргинальной языковой личностью? Можно ли говорить о маргинальности диалектной языковой личности или творческой личности художника? Иначе говоря, коррелирует ли характеристика «маргинальная языковая личность» с частотностью использования и функциональным назначением разных видов ФМ в речи конкретных носителей языка?

В четвертой главе на богатейшем материале охарактеризованы функции ФМ в разных сферах русской речи. Однако представляется, что в связи с исследованием функционирования ФМ требует особого обсуждения вопрос об их языковом и речевом статусе (хотелось бы получить разъяснения диссертанта по этому вопросу).

В заключении обобщены результаты исследования и намечена широкая перспектива использования разработанной диссертантом методологии анализа маргинальных системных объектов.

Высказанные в порядке дискуссии замечания и рассуждения вызваны стремлением уточнить некоторые частные моменты работы, требующие более развернутой аргументации. Оценивая диссертацию в целом, можно констатировать, что перед нами фундаментальное, обладающее несомненной новизной, теоретической и практической значимостью, большим эвристическим потенциалом и обобщающей силой исследование, а его автор достоин присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Автореферат и солидный список уже получивших широкое признание публикаций в полной мере отражают содержание диссертации.

Доктор филологических наук,
профессор

Т.А.Гридина